

Коми диалектная лексика в контексте болгарско-пермских языковых связей¹

Проблема болгарских заимствований в пермских языках имеет более чем столетнюю историю, начиная с основательного труда Ю. Вихмана «Чувашские заимствования в пермских языках», в котором автор выделил 164 болгаризма. Наиболее древний слой представлен 36 словами, остальные проникли в удмуртский язык уже после распада общепермского языка [22]. В.И. Лыткин [7], а затем венгерские исследователи К. Редей и А. Рона-Таш уточнили пласт древних болгаризмов, в частности, последние выделили ранние болгаризмы VIII–IX вв. и слой более поздних заимствований, проникших в общепермский язык в X–XI вв. и представленных только в удмуртском и коми-пермяцком языках [21].

Общее количество общепермской древнеболгарской лексики, которая имеет более или менее надежную этимологию и признается большинством исследователей, колеблется в пределах 30-35 слов.

Однако вокруг этого ядра обнаруживается довольно большая периферия коми и удмуртских слов, которые также могут рассматриваться как результат болгарско-пермских языковых контактов. Так, в КЭСК мы насчитали около 60 слов, куда (вместе с «надежными» болгаризмами), вошли также слова, приведенные под вопросом. В работе М.Р. Федотова «Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими языками» [17] таких слов, по нашим предварительным подсчетам, более 80.

Проблема болгарско-пермских языковых контактов остается крайне мало изученной, несмотря на ее исключительную важность для решения вопросов распада общепермского праязыка и лингвоэтногенеза пермских народов. С большей или меньшей определенностью сегодня мы можем определенно сказать лишь то, что в пермских языках имеется общий пласт болгарской лексики, которая обнаруживается как в коми, так и удмуртском языках

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН в 2012-2014 гг. «Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика».

(несколько десятков слов: от 30 до 80-90 слов), и собственно удмуртские болгаризмы и чувашизмы, которые исчисляются несколькими сотнями.

В последнее время, как отметил на прошлом симпозиуме по пермским языкам В.К. Кельмаков, можно наблюдать очередной всплеск интереса к болгарскому наследию, который выражается в поисках новых болгаризмов и критике старых теорий [20; 4; 5; 10; 11]. При этом следует отметить, что проблемой болгарских заимствований активнее занимаются удмуртские исследователи. Что касается коми, то последние этимологии, насколько нам известно, были предложены Е.С. Гуляевым в Дополнении к Краткому этимологическому словарю коми языка: *алькӧс* уд.сс. «пологий», чув. *улях* «луг», мар. *алык*, *алк*, *олык* «луг»; *дӧйӧмунны* «пропахнуть, с запашком» < чув. *тӧйн* «ум», первонач. «дух, дыханье», башк. тат. тув. *тын* > мар. *тын* «дыханье»; кя. *корӧм*, удм. *куро* «солома» < чув. *курак* «трава, стебель» [6: 390, 403, 409].

Между тем коми диалекты, несомненно, могут обогатить выделенный ранее слой болгаризмов и способствовать уточнению уже имеющихся этимологий. Разумеется, при этом следует учитывать тот факт, что болгаризмы в коми язык проникали в разное время и разными путями. Во-первых, в коми диалектах могли сохраниться, кроме выявленных, древние заимствования общепермского периода. Во-вторых, более поздние заимствования, проникшие в коми-зырянский язык через посредство коми-пермяцкого и удмуртского, а также русского языков. И, наконец, следует ожидать проникновения в коми диалекты болгарских слов независимо от посредства других языков, уже на нынешней территории проживания коми-зырян.

По свидетельству археологов торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией были достаточно длительными и интенсивными. Об этом свидетельствует тот факт, что болгарский импорт XI-XIII вв. обнаружен на 16 памятниках из 33 известных в настоящее время. В процентном отношении это даже несколько выше, чем в районе радановской культуры, то есть на памятниках предков коми-пермяков, где, как известно, контакты коми с булгарами были значительно более тесными и продолжительными. В регионах проживания предков удмуртов и коми-пермяков найдено большое количество болгарской керамики, украшений, предметов быта, выявлены остатки их торговых факторий и некрополей. В Прикамье обнаружены также опорные ремесленные и торговые пункты, где проживало как местное население, так и булгары. Булгарские древности, обнаруженные на могильниках Перми Вычегодской, представлены, в основном, ювелирными украшениями из серебра и бронзы, которые, очевидно, обменивались на пушнину [13: 89].

Основная масса болгарского импорта «на зырянской территории» обнаружена на Выми и Нижней Вычегде, где первые древнерусские поселения появляются только в XII в. По-видимому, еще до появления русских, по крайней мере, два-три столетия, предки зырян находились в отношениях торгового обмена с Волжской Булгарией. О том, что болгарские заимствования

проникали в коми язык уже на нынешней территории проживания коми-зырян, свидетельствует известный булгаризм *сюри* «шпулька» (удм. *серы*, чув. *çёрё* «цевка»), который проник в коми язык уже после отпадения конечного гласного *и*, что, по В. Лыткину, произошло около XI – XII вв. [8: 71-74].

В коми диалектах нам удалось обнаружить около 40 схождений коми слов с чувашскими. Разумеется, пока они являются только схождениями. Тем не менее, в свете изложенного, эта лексика может быть полезна для дальнейшей разработки вопроса о болгарском влиянии на пермские языки, а также использована для уточнения коми этимологий. Несколько примеров.

1. В дополнениях к КЭСК Е.С. Гуляев дает этимологию диалектного коми слова *алпастӧм*, *алапастӧм* сс.скр. «безобразный», полагая, что оно могло возникнуть из сочетания слов *ал* «толк» и *нас* «знак», что было, по-видимому, «спровоцировано» наличием каритивного суффикса *-тӧм*: *алпастӧм* – тот, у которого отсутствует *знак толка, знак ума*. Однако в коми диалектах (сс.скр.лл.уд.) бытуют и другие формы этого слова: *алпаса*, *алапаса*, *алпастӧм* «безобразный, грязный, покрытый сыпью и т.д.» [15: 11; СД: 193], которые можно сопоставить с чув. *алпаса*, *алпастӓ* «злой дух, неряха, грязнуля, баловник» [19: 29]: форма *алпастӓ* могла адаптироваться в коми языке с помощью каритивного суффикса *-тӧм*. Это слово с тюркской этимологией было заимствовано в удмуртский и марийский языки в значении «злой дух, домовый» [17: 96], в русские говоры Поволжья в значении «дух дома» [9: 106], а также в вятские и пермские русские говоры как *алпаста*, *лопаста*, *лобаста* «злой дух, русалка» [16: 1; 69]. Таким образом, считать коми слово *алпастӧм* сложным, по нашему мнению, нет оснований.

2. В КЭСК глагол *тӧрсьыны* лл. «есть, наедаться» под вопросом связывается с общекоми глаголом *тӧравны* «выхаживать, заботиться о ком-нибудь» и мордовским *тирямс* «содержать, воспитывать» [6: 284]. По нашему мнению, он семантически и фонетически ближе к чувашскому глаголу *тӧран* «наедаться досыта, насыщаться», который имеет достаточно надежную тюркскую этимологию [1: 238]. О возможной связи между ними говорит география слова *тӧрсьыны*, которое представлено только в южном лузско-летском диалекте.

3. В КЭСК в статье *дзерӧдны* «дразнить, донимать, доводить до слез, раздражать», удм. *зӧрыны* «ворчать, роптать, недомогать» реконструируется общепермская основа со значением «недовольство, недомогание» и ставится вопрос, не является ли пермское слово древнечувашским, поскольку в чувашском есть слово *чир* «болезнь», проникшее также в марийский язык с тем же значением. Однако, по нашему мнению, значение пермского глагола «дразнить, роптать» слишком далеко, чтобы сравнивать его с тюркским словом *чер* «болезнь, недомогание». М.Р. Федотов справедливо считает, что чув. *чир* «болезнь» можно соотнести с удм. *чер*, мар. *чер* «болезнь», которые, несомненно, имеют тюркскую этимологию, ср., тат. *чир* «нарыв», тур. *чирик* «нарыв», кирг. *чири* «гнилой» и др. [17: 163]; (см. тж. Словарь Фасмер) [16: 365].

Почему бы в этом контексте не рассмотреть коми диалектные слова *чергӧдчыны* скр.с.в.в., *чергысьны* лл.скр. «упасть на спину, окочуриться, сдохнуть», *чуравны* «обмереть, захлебнуться плачем», *чуроовны* иж. «потерять сознание от удара», *чур-чермунны* «вздрогнуть от испуга», *чер-чер* уд. «навзничь (упасть)», *черъявны* «лежать на спине» [15: 408, 409, 441, 422], в которых последовательно выделяется корень *чер-/чур-*? Тем более, что в том же КЭСК Лыткин, правда, под вопросом, сопоставляет коми слово *черавны* «онеметь, окоченеть» с мар. *черле* «больной» [6: 303], удм. *черланы* «заболеть» [17: 163].

4. Коми слово *ар*, *арга* «мальки», *арни* «малек, детеныш» авторы КЭСК под вопросом сравнивают с саамским словом *vuorro* «речной лосось» [6: 33]. В нижневьггодском диалекте зарегистрировано слово *аргы* «малые дети, мелюзга, ребятишки» [15: 12], из которого ясно, что основа *ар-* скорее связана со значением «маленький», нежели значением «рыба». В современных чувашских словарях, в том числе и этимологических, обнаружить соответствия нам не удалось. Однако в словаре Н.И. Золотницкого такое слово имеется, причем с тюркской этимологией: чув. *ар*, тат. кирг. *аз*, алт. *ас* «малый, молодой», *ар-вята* «молодуха» [2: 5-6].

В диалектах коми языка мы обнаружили также слова, пока не получившие никакого этимологического объяснения, но имеющие близкие фонетические и семантические сходства с чувашскими. Например:

1. В лузско-летском диалекте вместо общекоми слова *синкым* «бровь» используется слово *сиң кӧрша* [15: 336]; в нижневьггодском диалекте имеет значение «лобная пазуха» [12: 170]. Оно полностью совпадает с чувашским словом *харша* «бровь», которое В.Г. Егоров считает джрвнетюрским [1: 287].

2. В нижневьггодском и вымском диалектах имеются слова *тутур*, *тутурушка* «трубка, сверток бересты» [15: 378, труба], ср. также общекоми *тутсыны* «гудеть, свистеть», основа которых *тут* может быть соотнесена с чув. словом *тӱт* «рожок»: *тӱт кала* «играть на рожке» [19: 450].

3. В коми диалектах зарегистрировано слово *мор* скр.нв. вв. «чума, зараза, мор; шут, черт» [15: 223], значения которого, очевидно, выявлены под влиянием русских слов *мор*, *морить*. Однако во всех устойчивых сочетаниях это слово имеет значение «черт»: *мор тэжд* «черт с тобой»; *мый морла* «на кой черт, какого черта»; *мор оз лый* «черт не возьмет» и т.д. Не связано ли это слово с чувашским словом *мур* «чёрт»? Фонетических и семантических препятствий для этого нет.

4. Общекоми слово *сёр* «поздно, поздний», не имеет удмуртского соответствия [6: 253], однако его можно сравнить с чув. словом *сёр* «ночь», *сёрле* «ночью», происхождение которого не известно [1: 212], хотя Федотов, исходя из конструкции *сёр ении* «север», сравнивает его с др.-тюр. *jura-ja* «на север» [18: 2; 112].

5. Слово *чеченитчыны* 1) в присыктывкарском диалекте имеет значение «жеманиться, церемониться», 2) в верхневьггодском *чеченитчинӧ*

«капризничать, ломаться», 3) на Удоре *чекенитчыны* – «шегольски изысканно одеваться» [15: 409], ср. чув. *чечен* «красивый, прекрасный, нежный» > удм. *чеченька* «шеголь, франт», мар. *чечен* «красивый» [17:161].

6. Происхождение кванторного слова *сап* «совсем, совершенно»: *сап пемыд* «совсем темно» авторы КЭСК объясняют через глагол *сапкыны* «отрубить, отсечь, ткнуть топором» // удм. *сапкыны* «свалить ударом», т.е., как объясняется в словаре, «значение «очень, совершенно» выработалось из мгновенного, однократного действия» [6: 249]. Этимология кажется странной. Возможно, более реалистично сравнить коми *сап* «совсем, совершенно» с тюркской частицей *сап* со значением превосходной степени «совсем»: чув. *сап-сарй*, тат. *сап сары*, также мар. *сап сары* «совсем желтый» [17: 12], особенно форму верхневычегодского диалекта (Бог.) *сапсара* «совсем» [15: 330].

Как уже было отмечено, эти схождения требуют дополнительных обоснований; относятся они, как правило, к разговорной лексике, имеют диалектную специфику, а зачастую довольно широкий разброс значений. Показательна в этом отношении одна сказка, которую мы обнаружили в книге «Образцы коми-зырянской речи» [12: 295]. Записана она в 1961 г. в Троицко-Печорском районе Республики Коми со слов 50-летнего информанта и называется «Юла»:

У юлы шесть снох, шесть снох. Одна сноха – свиток бересты, вторая сноха – глиняная кукла, третья сноха – сенная труха, четвертая сноха – метла, пятая сноха – шило, шестая сноха – пузырь. Свитку бересты велели затопить печь. Он там вспыхнул и сгорел. Его не стало. Глиняную куклу послали за водой. Пошел дождь, она по пути домой размякла, и ее не стало. Метлу попросили подмести крыльцо. На морозе она искрошилась, и ее не стало. Сенной трухе велели дать корм скоту. Она вместе с сеном упала, бык ее проглотил, и ее не стало. Шило попросили сплести. Его ножка застряла между половиц и переломилась, и его не стало. Пузырь хохотал, хохотал над ними да и лопнул, и его не стало.

Спрашивается, как название сказки связано с ее содержанием? При чем здесь юла? Какие у юлы снохи? Почему она так глупо поступает? Эта сказка на коми языке называется загадочным словом *дньд-макд*. В коми диалектах *дньдмакд*, *аньдмакд* имеет несколько значений: скр. *аньдмакд* «неодоб. «тихоня, медлительный, мешковатый человек», вым. нв. *анемакд* «стрекоза», печ. *дньдмакд* «юла» [15: 11, 116, 453], вв. (Пезмог) *аньдмакд* игрушка «ванька-встанька». Е.С. Гуляев в дополнении к КЭСК дает следующую этимологию этого слова: компонент *аньд* имеет отношение к слову *ань* «женщина», а компонент *макд* – неизвестного происхождения [6: 390, 415].

Этимология кажется сомнительной, прежде всего не понятны семантические связи значений «женщина» – «медлительный человек (неодобр.)» – «юла» – «стрекоза» – «ванька-встанька». Собственно, такой разброс значений по диалектам говорит о заимствовании.

Между тем в чувашском языке мы обнаружили слово *анка-минкё* «идиот, глупец, тупой», *анка-минкёлен* «отупеть, одуреть, ошалеть» [19: 33]. Если предположить, что это неясное с точки зрения коми языка слово связано с чувашским, все приведенные значения хорошо объясняются из значения «глупый, дурак». Так, юла в других коми диалектах называется *дурноп*, *дур шар*, лет. *дурноп моз педзё* «вертится, как дурачок»; тихоня, медлительный человек также может получить негативную оценку; стрекоза без конца носится, как ошалелая; «ванька-встанька» – ванька-дурак и т.д. Приведенная выше сказка также становится понятной, если название ее перевести не как «Юла», а как «Дурак, Глупец»: «Было у дурака шесть снох, шесть снох »...и далее по тексту.

Разумеется, в сопоставлении этих (да и других) слов имеются фонетические несостыковки, однако не надо забывать, что возможные заимствования могли проникать как в общепермский язык, затем в праудмуртские и пракоми диалекты не из чувашского, а из каких-то древнебулгарских диалектов, причем из разных и в разное время, хотя, по видимому, не позже XII-XIII вв. Большинство таких слов нами обнаружено в лузско-летском, вымском, нижневычегодском, верхне-вычегодском говорах, то есть в тех районах, где, как мы отмечали вначале доклада, было обнаружено и наибольшее количество археологических находок булгарского типа.

Литература

1. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
2. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.
3. Кельмаков В.К. К вопросу о хронологической стратиграфии болгаризмов пермских языков в финно-угроведении // Пермистика-13. Сыктывкар, 2012. (в произв.)
4. Кельмаков В.К. К проблеме болгаризмов в удмуртском языке [I] // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. науч. ст. Чебоксары, 2004. С. 15–19.
5. Кельмаков В.К. К проблеме болгаризмов в удмуртском языке [II] // Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра: Материалы Международного симпозиума. Чебоксары, 2010. С. 56–70.
6. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
7. Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
8. Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.
9. Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья. Чувашская республика. Марий Эл. СПб, 2005.

10. Напольских В.В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар с древнейших времен. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань. 2006. С.100-115.
11. Напольских В.В. Нетривиальные тюркизмы в удмуртском I. *šam* // LU. 1999. № 2 (XXXV). С. 118–121; II. *šartén* // LU. 2000. № 4 (XXXVI). С. 276–281; III. *tuj*. IV. *kužn* // LU. 2001. № 1 (XXXVII). С. 30–33.
12. Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. М., 1978. Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1981.
13. Савельева Э.А., Королев К.С. Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып.3(7), Сыктывкар, 2012. С. 89-97.
14. Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
15. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М., 1986 - 1987.
17. Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Ч. II. Чебоксары, 1968.
18. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. Чебоксары, 1996.
19. Чувашско-русский словарь / И.А. Андреев, Н.А. Андреев, А.И. Иванов, Т.В. Иванова и др. М., 1961.
20. Geisler M. Etymologien aus den permischen Sprachen // LU. 2002. № 4 (XVIII). S. 241–244.
21. Rédei K., Róna-Tas A. Early bulgarin loanwords in the Permian languages // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Tomus XXXVII (1-3), 3-41 (1983).
22. Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903.